

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВТОРУШИН

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и таможенного дела

Омский государственный технический университет (Омск, Российская Федерация)

vtorushin-m2013@yandex.ru

К ТЕОРИИ ВОПРОСА АМЕРИКАНСКОГО И ПРУССКОГО ВАРИАНТОВ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Представлен анализ проблемы сущности американского и прусского вариантов развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства России, включая Сибирский регион, в XIX – начале XX века. Данная проблема является актуальной в связи с дискуссией о закономерности Великой русской революции 1917 года. Цель исследования – выявить общие и отличительные признаки американского и прусского вариантов развития капитализма в сельском хозяйстве и дать краткую ретроспективу зарождения и эволюции двух путей развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства России, а также формы их реализации. Этот вопрос исследуется на основе диалектико-материалистического метода познания. В итоге исследования проблемы определено историческое место прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве в качестве хозяйственной формы переходного типа между барщинным и фермерским способами аграрного производства в России. Изучена специфика американского и прусского путей развития капитализма в сельском хозяйстве Сибирского региона, где они сосуществовали параллельно, как и в европейской части России, вплоть до событий революции 1917 года и Гражданской войны на востоке страны.

Ключевые слова: американский и прусский пути развития капитализма, аренда, внеэкономическое и экономическое принуждение, отработки, непосредственный производитель, помещичье землевладение, фермерский способ производства

ВВЕДЕНИЕ

Дискуссионной проблемой истории кризисного состояния общества России рубежа XIX–XX веков, которая требует дополнительного изучения, является вопрос о понимании сущности пути развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства страны после отмены крепостного права. Уточнение этого вопроса имеет значимость при изучении аспекта предпосылок Октябрьского политического переворота 1917 года в России, то есть закономерности или стечения обстоятельств данного исторического события. Традиционно в отечественной литературе вопрос о буржуазной аграрной эволюции в народном хозяйстве России в основном рассматривался в рамках концепции В. И. Ленина, которая изложена в работах «Развитие капитализма в России» [9], «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» [7] и «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» [8]. В рамках этой концепции принято считать, что в сельском хозяйстве страны после отмены крепостного права сохранялся ряд значимых феодальных пережитков, тормозивших развитие экономики страны по буржуазному пути, главные из которых – помещичье землевладение и отработки крестьян как разновидность барщины. На этом выводе,

например, строится тезис, что в Сибирском регионе, который со второй половины XIX века приобрел в связи с массовым переселением крестьян (в литературе этот процесс определен как крестьянская колонизация Сибири [18: 42–75]) из кризисных губерний Европейской России из-за аграрного перенаселения статус Зауральской земледельческой колонии Российской империи (земледельческими колониями в этот период, кроме Сибири, считались земли Маньчжурии вдоль полосы отчуждения линии КВЖД, Туркестан и часть Северной Персии¹ как объекты для крестьянского переселения из метрополии), также сохранялись феодальные пережитки, так как в Сибири, в качестве доказательства, имелось землевладение Кабинета царствующей семьи Романовых (свыше 60 млн дес.). Есть также мнение, что на Сибирский регион при отсутствии на его территории поместного землевладения влияло в негативном плане сохранение крепостных пережитков в европейской части России [5: 45]. Тем самым под сомнение ставится хозяйственная эволюция земельной собственности помещиков, которая была феодальной по своей истории появления, по буржуазному пути, как до крестьянской реформы 1861 года, так и после отмены крепостного права. Мнение о доминировании в аграрном секторе народного хозяйства России пережитков крепостничества в том или ином виде изложено

в работах ведущих экспертов по этому вопросу: А. М. Анфимова [2: 360–381], С. М. Дубровского [4: 9–11; 51–61], П. Н. Першина [13: 63–107], К. Н. Тарновского [16: 201–210], В. К. Яцунского [27: 89–91] и др. На современном этапе изучения данной проблемы необходимо указать на работы А. Бородача [3] и П. И. Савельева [17] и косвенно на исследования Н. М. Александрова [1], В. Н. Литугева [10], И. М. Пушкаревой [15: 14–29], В. Г. Тюкавкина [20], К. С. Чикаевой [22] и других, затрагивающих в той или иной степени спорные моменты дискуссии советских историков конца 1950-х – начала 1960-х годов по данной проблеме.

Стоит отметить, что вышеназванные специалисты в той или иной мере, осознанно или не осознанно, однако латентно проблему перевели в плоскость дискуссии западников и славянофилов о сущности исторического пути России, проводя мысль, что русское помещичье хозяйство (в отличие от Англии, Германии и Франции, где в прошлом феодальное земельное владение эволюционировало, что доказано К. Марксом [11] и Ф. Энгельсом [23], [24], [25] в ряде исследований по капиталистическому пути) было тормозом экономического прогресса страны, так как по своей социально-экономической сущности оно являлось неизменно феодальным, то есть вновь особый путь развития России, отличный по сути от социально-экономического развития ряда ведущих стран Европы. По этому поводу ранее критически высказались историки марксистской школы М. Н. Покровский [14: 137] и А. В. Шестаков. Они считают, что в данном случае произошло смешение понимания сущности барщины и отработки как двух разновидностей одного типа хозяйства. По их мнению, для уяснения сути вопроса следует различать *экономическое* и *внеэкономическое* принуждение, так как барщину крестьяне отбывали на основе юридических статей Соборного уложения 1649 года, а на отработки в пореформенный период их гнала нужда. Исходя из этого необходимо дополнительное изучение сущности как буржуазной эволюции аграрного сектора народного хозяйства России во второй половине XIX – начале XX века, так и путей ее реализации. В данном случае мы проводим анализ явления и признаков двух путей развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства России после отмены крепостного права, стремясь выявить сущность и временные рамки их функционирования. Для уточнения цели исследования предлагаем, опираясь на выводы по данной проблеме основоположников теории исторического материализма, свое понимание социально-экономической сущности *американского* и *прусского* путей развития капитализма в сельском хозяйстве, исходя из того, что вариант прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве подразумевает получение ренты через сдачу в аренду (краткосрочную или долгосроч-

ную) земельных угодий (пашни, леса, пастбища), отдельно – аграрного инвентаря (включая машины) и тяглового скота (в том числе упряжь к нему) как сельским общинам, субарендаторам и артелям, так и индивидуальным земледельцам на условиях как отработок, так и денежной оплаты. Американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве предполагает получение ренты через непосредственную предпринимательскую деятельность владельца земельной собственности как в личной трудовой форме, так и путем эксплуатации наемного труда сельскохозяйственных рабочих, занимаясь в основном управлением, то есть менеджментом в современной терминологии.

По нашему мнению, исторически прусский вариант развития капитализма в сельском хозяйстве занимает промежуточный или переходный этап между получением помещиком феодальной ренты за землю через фиксированные барщину и оброк (простое товарное производство), как это было до середины XIX века, и доходом с земельной собственности того же владельца поместья в пореформенный период в форме прибавочной стоимости от ренты буржуазного типа (расширенное товарное производство), который традиционно связывают с *фермерским путем* развития капитализма в сельском хозяйстве. Анализ истоков и эволюции прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве России показывает, что его развитие стоит разделять на два периода: до реформы 1861 года и после нее. На первом этапе он имел латентный, неявный характер, так как формировался еще в условиях господства барщинного способа ведения хозяйства. До отмены крепостного права его основой, как правило, являлось дворянское поместье, которое по ряду экономических причин отрицало под влиянием формирования Всероссийского рынка уже в XVII веке как феодальный принцип вотчины о безусловном закреплении непосредственного производителя (в юридическом плане – без права ее покинуть) за хозяйством землевладельца, так и условие государства, как верховного распорядителя всего земельного фонда страны, не сдавать данное земельное владение в аренду. Так, XVII век в России породил институт *отходничества* крепостного крестьянства, который постепенно от сезонного явления приобрел в XVIII веке характер постоянного фактора в экономической жизни страны, причем в качестве массового явления, поскольку для известной части дворян-землевладельцев денежный оброк стал основным источником дохода, то есть не полевые работы в поместье в пользу помещика и продажа зерна, а также иной аграрной продукции, например, конопли и льна, на местном или в масштабе всероссийского рынка, а заработки его крепостных крестьян на стороне, имевших для этого отпускные письма от барина [20: 61].

Можно предположить, что увеличение барщины до 5–6 дней в неделю в конце XVIII века против 1–2 дней в начале века было обусловлено нехваткой в хозяйстве помещика рабочих рук, поскольку производители отправлялись на длительные заработки за пределы поместья, поэтому обязанности обработать барскую половину пашни возлагались на оставшихся в поместье крестьян. Попытка Павла I сократить рабочую неделю крепостного крестьянства в пользу помещика до трех дней, чтобы смягчить недовольство непосредственного производителя нарушением традиционных норм барщины, стала хозяйственной основой конфликта известной части поместного дворянства с императором и последовавшего затем дворцового переворота 12 марта 1801 года.

По существу, неразработанной темой в отечественной историографии является вопрос об участии *капиталистских* крестьян в развитии аграрного сектора народного хозяйства России во второй половине XVIII века, так как основное внимание специалистов уделяется их промышленной деятельности. Однако известно, что состоятельные крепостные крестьяне в этот период уже арендовали земли или у местных несостоятельных помещиков, или у своих односельчан, или у владельцев латифундий, организуя (по меркам того времени) крупное зерновое товарное производство (например, С. Г. Струмилин отмечает их наличие уже в XVI веке под именем *добрые* [19: 68]), что не встречало возражений у их хозяев, поскольку это приносило им по оброку большие денежные суммы. Видимо, по этой причине Екатерина II включила в «Жалованную грамоту дворянству» 1785 года пункт об исключительном праве дворян-помещиков владеть землей на основе частной собственности, то есть это была своеобразная попытка оградить их от нарастающей конкуренции в сфере аграрного производства и сбыта крестьян-предпринимателей на местном и, возможно, на всероссийском хлебном рынке. Данное явление, по нашему мнению, имело вполне буржуазный характер (своеобразная предтеча как прусского, так и американского пути развития капитализма в сельском хозяйстве страны) и породило, в сущности, известные указы Александра I – от 12 декабря 1801 года о праве не дворянам покупать свободные земли для коммерческой деятельности вне города, и 20 февраля 1803 года, известный как «О вольных хлебопашцах».

В первой половине XIX века в России в русле производственных отношений помещика и его крепостных крестьян возникло новое явление, известное как *месячина*, то есть освобождение производителя от положенного ему в рамках поместья земельного надела с предоставлением месячного натурального пайка (видимо, это стоит понимать как минимум оплаты труда работника по найму и своеобразное насильственное вытал-

кивание крестьянина на дополнительные заработки вне хозяйства владельца поместья) и сдача этого надела в аренду, что фактически требовало отменить всю систему крепостного права в стране. Это, помимо всего прочего, давало помещикам возможность не платить государству налог по *ревизским сказкам* за крепостные души. Как мы считаем, институты отходничества и месячины стали предвестниками как прусского, так и американского пути развития капитализма в сельском хозяйстве страны пока еще в латентной форме, которые публично получили повсеместное развитие лишь после Крестьянской реформы 1861 года, заменив собой барщинную систему хозяйствования. В этом случае стоит поставить под сомнение положение В. И. Ленина о чертах барщинного хозяйства, в котором красной нитью проходит мысль о его замкнутости, натуральности и самодовлеющем характере поместья дворян, о безусловном прикреплении к поместью землевладельца непосредственного производителя, особенно то утверждение, что «барщинная система хозяйства была подорвана отменой крепостного права» [9: 185] (однако перевод крепостных крестьян в разряд дворовых или их продажа говорят о наметившемся кризисе барщинной системы хозяйства уже в середине XVIII века). Иначе выходит, что капитализм в сфере аграрного производства начал свою историю лишь с 19 февраля 1861 года (это вызывает резонное сомнение у ряда специалистов, как, например, у С. Г. Струмилиной [19: 56] и М. В. Нечкиной [12: 34]), то есть имманентно, и не был итогом достаточно длительного вызревания буржуазных экономических отношений в предшествующую историческую эпоху, которую в литературе принято называть «Разложение и кризис феодально-крепостнической системы второй половины XVIII – первой половины XIX века», что противоречит одному из законов диалектики о переходе количества в качество.

Особое место в формировании прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве России сыграл институт *залога дворянской земли*. Возник он в середине XVIII века, когда правительство Елизаветы Петровны учредило Дворянский заемный банк, чтобы финансировать предпринимательскую деятельность помещиков, установив до 6 % на всю сумму денежного займа (так называемый указной процент) под залог имений, со сроком уплаты не более трех лет. Однако из-за систематических неурожаев, а также неблагоприятной конъюнктуры на местном и всероссийском аграрных рынках помещики, как правило, не могли уплатить проценты по залогом и тем более вернуть кредит Дворянскому заемному банку. Поэтому для них единственным путем поддержания поместья оставались сдача земли в аренду капиталистским крестьянам или соседям-помещикам, так как в противном случае им угрожала потеря за

долги наследственной земельной собственности и переселение в город, чтобы со временем войти в состав разночинской интеллигенции. Важно, что в дворянском обществе начала XIX века уже шла острая дискуссия о путях развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства страны с опорой на полученный хозяйственный опыт.

Стоит отметить, что программы декабристов по аграрному вопросу в России предполагали оба варианта развития капитализма в сельском хозяйстве. Так, в «Русской правде» П. И. Пестеля однозначно излагался вариант американского пути реформирования аграрного сектора народного хозяйства России, причем как силами поместных землевладельцев, так и свободного крестьянского двора. «Конституция» Н. И. Муравьева не дает однозначного ответа, как «Северное общество» декабристов собиралось реконструировать земельные отношения после политического переворота в стране. Можно предположить, что оно склонялось к прусскому пути, так как после отмены крепостного права за крестьянами оставляли всего по две десятины земли на одну мужскую душу, а это предполагает арендные отношения между владельцем поместной земельной собственности и свободным производителем аграрной продукции, который должен был владеть парцельным наделом по образцу крестьянства Пруссии начала XIX века. Важно отметить, что в ходе наполеоновских войн многие будущие декабристы, находясь в Европе, познакомились с хозяйственными системами местных помещиков, что, видимо, повлияло на их взгляды в отношении путей развития их собственных поместий. Так, видный декабрист И. Д. Якушкин попытался для своего поместья внедрить прусскую модель ведения хозяйства, но его крепостные крестьяне заявили, понимая, что обезземеливание приведет их к полному разорению: «Мы Ваши, а земля наша» [14: 19].

По нашему мнению, прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве России после реформы 1861 года был закономерным и необходимым, являясь отражением как предыдущего развития аграрного сектора народного хозяйства страны, так и социально-экономических реалий, сложившихся после отмены крепостного права. По этой причине до определенного момента эта версия носила прогрессивный характер, способствуя утверждению буржуазных производственных отношений. Однако, исчерпав все положительные стороны своего развития, когда в аграрном секторе народного хозяйства Европейской России в основном были преодолены остатки полуфеодальных отношений, прусский путь вступил в острые противоречия с новыми экономическими потребностями развивающегося по пути капитализма общества страны. Это в полной мере выявилось в начале 1890-х годов. Сигналом о важности перехода на амери-

канский путь развития капитализма в аграрном секторе явились неурожай и массовый голод 1891–1892 годов (29 губерний и 35 млн голодающих), резкий рост арендной платы, истощение плодородия арендуемой земли из-за отсталой агротехники, массовая задолженность и разорение владельцев поместий, затем аграрные беспорядки 1902–1904 годов. Реализация этой перспективы была изложена в аграрных программах ряда политических партий России начала XX века, которые настаивали на полной ликвидации всего помещичьего землевладения, по их мнению, источника экономических противоречий и неурядиц в стране, не делая при этом различий между латифундиями аристократии, поместьями средней руки, в этот период показывавшими высокую товарность, то есть до 47 % против 34 % у кулаков [6: 30–31], и убыточными хозяйствами мелкопоместного дворянства (В. И. Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» указывает только на латифундии, считая их крепостническими, тем самым распространяя этот взгляд на все помещичье землевладение [7: 215]), или через принудительное отчуждение за выкуп, или через муниципализацию, или через национализацию, или через социализацию. В любом случае речь шла о повсеместном переходе в России к *фермерскому способу* аграрного производства. Осознанием этого императива правящими верхами стала аграрная реформа П. А. Столыпина, который рядом преобразований хотел перевести сельское хозяйство на американский путь развития капитализма, чтобы параллельно разрешить как аграрный кризис в народном хозяйстве страны, так и крестьянский вопрос в России в целом.

Анализируя аграрно-крестьянский вопрос России данного периода, мы пришли к выводу, что прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве (на примере европейской части страны) стоит определять как *вынужденный путь* экономической эксплуатации своих земельных угодий (например, помещиком), поскольку главной его целью по большей части являлось выживание в условиях недостаточной развитости и нестабильности национального аграрного рынка, а также мирового аграрного перепроизводства (на нерентабельность поместных хозяйств и разорение большей части русских помещиков главным образом влияли конкуренция на европейском и мировом аграрном рынке дешевого американского хлеба и «хлебные законы» Бисмарка) как владельца земельной собственности вне зависимости от форм владения, так и ее арендатора. По этой причине в Европейской России возникли анклав с так называемой смешанной формой ведения аграрного производства силами крестьянских и помещичьих хозяйств, то есть в благоприятные годы преобладал американский

вариант, а в неблагоприятные – прусский. Тем самым вариант прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве использовался владельцем земельной собственности или ее субарендатором при условии:

- больших затрат на аграрный продукт, когда расходы на его производство превышают вложения, что вынуждает отказаться от предпринимательства;
- недостатка земельных угодий или их истощения (например, убыль плодородия почвы), что не позволяет развернуть рентабельное хозяйство фермерского типа;
- высоких банковских кредитов на производство, страхование и сбыт аграрного продукта, когда проценты по займу превышают доходы от производственной деятельности;
- превышения доходов от сдачи в аренду земельных угодий над доходами от прямой предпринимательской деятельности (негативная конъюнктура хлебного рынка или невысокие цены на аграрный продукт, нивелирующие прибыль).

Минусами прусского пути капитализма в сельском хозяйстве являются:

- во-первых, истощение почвы, так как при кратковременной аренде арендатор или субарендатор не заинтересованы в поддержании ее плодородия;
- во-вторых, хищническая порубка леса (стремление арендатора продать часть лесных материалов на местном рынке по бросовым ценам);
- в-третьих, вытаптывание пастбища в результате неправильного прогона скота арендатором во время выпаса при краткосрочной аренде пастбища.

Кроме того, по этой же причине (краткосрочная аренда) – небрежное отношение к арендованному аграрному инвентарю, тягловому скоту и упряжи. Данный путь развития капитализма в сельском хозяйстве при особых условиях, как это было в России во второй половине XIX века, предполагает натуральный расчет (отработками или зерном) за арендуемые земельные угодья (обычно у индивидуальных крестьян-арендаторов или крестьянских общин наличных денежных средств не имелось, поскольку все наличные деньги уходили на уплату казенных и земских налогов, а также выкупные платежи государству). Полученное в качестве оплаты за аренду земли зерно владелец земельной собственности, как правило, чтобы избежать транспортных расходов и коммерческих рисков на аграрном рынке, продает по бросовым ценам (версия буржуазного предпринимательства начиная с XVII века). Эти обстоятельства, а не наличие, по нашему мнению, помещичьего хозяйства, сдерживали прогресс в аграрном секторе народного хозяйства страны, обрекая большую

часть крестьянства России на нищенское существование, а помещиков на разорение и продажу своих поместий Дворянскому поземельному или ипотечным банкам.

Стоит отметить, что одним из заблуждений при изучении данной проблемы является мнение, что прусский путь развития присущ лишь помещичьим хозяйствам. Так, сибирские историки В. И. Дулов и В. Г. Тюкавкин настаивают:

«Следовательно, основным критерием определения прусского или американского пути В. И. Ленин признавал наличие или отсутствие помещичьего хозяйства, так как “помещичье землевладение есть главная причина отсталости и застоя”» [5: 47].

Однако известно, что модель прусского пути также активно использовали разбогатевшие крестьяне при эксплуатации как своих, так и арендованных земельных угодий в своей или в соседних деревнях, превращаясь со временем в сельскую буржуазию, или кулаков, как это было в России после отмены крепостного права. Данное явление в конце XIX века получило распространение и в деревнях Сибирского региона. Поэтому, вопреки устойчивому мнению, кулачество, например в России, являлось скорее реакционной силой в деревне, тормозя ее развитие, чем носителем прогресса. Как отметил Ф. Энгельс в письме Н. Ф. Даниельсону, известному экономисту-народнику:

«... кулаки, насколько я вижу, тоже предпочитают держать крестьянина в своих когтях как предмет эксплуатации, чем разорить его раз и навсегда и приобрести себе принадлежащую ему землю» [26: 116].

Так, кулаки, арендуя помещичью землю, как правило у крупных землевладельцев, затем сдавали ее в аренду нуждающимся крестьянам. Они параллельно приобретали сельскохозяйственные машины, аграрный инвентарь и тягловый скот выше обусловленных производственных или технологических потребностей их личного хозяйства для того, чтобы их сдавать в аренду все тем же нуждающимся в средствах производства несостоятельным крестьянам. Все вместе это порождало трудно разрешимые противоречия в крестьянской общине и обуславливало вторую социальную войну в деревне. По этой причине премьер-министр Российской империи П. А. Столыпин делал ставку именно на кулачество, или *чумазых лендлордов*, в качестве социальной опоры отжившей в стране политической системы самодержавия.

Модель крестьянского варианта прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве страны получила широкое распространение в Зауральской колонии Российской империи, где местное зажиточное крестьянство, арендуя земли Кабинета его Величества и казенно-оборочные статьи, сдавало их в субаренду многочисленным переселенцам из метрополии,

например, категории неприсвоенных к какой-либо общине новоселов. Корнем краевой специфики прусского пути являлись неразвитость местной транспортной системы, что мешало вывозу из Сибири зерновой продукции как на рынки метрополии, так и на мировой рынок, а также влияние Челябинского тарифного перелома, который удваивал стоимость сибирского хлеба, нивелируя ожидаемую местными производителями прибыль от хлеботорговли, то есть вновь вынужденный путь развития капитализма в сельском хозяйстве, имевшем в этот период во многом характер регресса, но уже в земледельческой колонии, где исторически никогда не было помещичьего хозяйства². По этой причине в начале XX века сибирские областники активно будировали в местной печати и в выступлениях депутатов Государственной думы от Сибири всех созывов вопрос о необходимости перехода к фермерскому пути развития сельского хозяйства региона³.

Антитезой прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве выступает американский путь. Его стоит называть *оптимальным* вариантом эксплуатации своей земельной собственности, поскольку его главной целью является получение максимальной прибыли для последующего расширенного аграрного производства. Эта версия развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства, как до этого прусский путь, является объективным и закономерным этапом развития аграрного производства в ряде стран мира. Его особенность заключается в том, что он, во-первых, естественным путем, как это ни парадоксально звучит, вытекает непосредственно, при этом отрицая его, из прусского пути развития капитализма, если это касается стран Европы, но при этом, а это, во-вторых, напрямую не связан с функционированием бывшего феодального (помещичьего) поместья. Раньше всего и в наиболее чистом виде американский путь развития капитализма возникает там, где отсутствовали феодальные традиции, а это, как правило, были колонии ведущих держав Европы, о чем свидетельствует аграрная история США, Канады и Австралии.

Положительные стороны этого варианта развития сельского хозяйства:

- расширенное воспроизводство аграрной продукции, чтобы иметь возрастающую прибавочную стоимость;
- интенсивное внедрение в сельскохозяйственное производство машинной техники аграрного предназначения, удобрений, правильный севооборот и улучшение качества поголовья скота для повышения конкурентоспособности;
- весь набор необходимых современных средств производства аграрного предназначения (как правило, приобретаемый через банковские кредиты);

- широкий товарооборот земельной собственности, способствующий укрупнению успешных фермерских хозяйств.

Стоит отметить, что американский, или фермерский, путь развития в сельском хозяйстве не исключает развития арендных отношений, так как состоятельный владелец предпринимательского хозяйства для расширения аграрного производства при определенных условиях арендует земли несостоятельного фермера или свободного государственного фонда.

Негативными сторонами американского пути развития сельского хозяйства являются:

- во-первых, стабильное (нерегулируемое) перепроизводство аграрной продукции, которое при условии низких цен на рынке из-за избытка (фактор влияния спроса и предложения, порождающего так называемые коммерческие риски), предложенного другими производителями однотипной аграрной продукции, может привести или к гибели (уничтожению) товарного продукта, или к разорению владельца земельной собственности;
- во-вторых, полная зависимость владельца земельной собственности от банковских кредитов и страховых компаний, поглощающих по процентам на кредит или страховых взносов львиную долю полученной прибыли от предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве;
- в-третьих, монополизация аграрного рынка крупными фермерскими хозяйствами с вытеснением с него мелких производителей, после чего ими устанавливаются монопольно высокие цены на аграрную продукцию с учетом процентов по банковским кредитам и страховым взносам.

В Европейской России американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве в основном был связан с дворянскими поместьями средних размеров, которые имели достаточные материальные и денежные средства для развертывания буржуазного предпринимательства. Как правило, располагались такие поместья вблизи значимых губернских и уездных городов, морских портов, узлов железных дорог и речных пристаней, что резко сокращало транспортные расходы, позволяя обходиться без услуг перекупщиков. Наличие большого контингента работников, искавших в этих местах работу, обеспечивало необходимую сезонную рабочую силу для хозяйства помещика-предпринимателя. Стоит указать, что данный тип помещика часто был связан с производством, параллельно с выращиванием традиционной яровой пшеницы, новых аграрных культур (картофель, подсолнечник, сахарная свекла, табак), имевших все возрастающий спрос на российском рынке. Кулак был в неравном положении в развитии американского пути по сравнению с помещиком, так как

его предпринимательская деятельность в значительной мере ограничивалась его неравноправным социальным статусом и вхождением в состав сельской общины. По этой причине в ряде случаев кулак был катализатором выступления общины против помещика. Ряд требований общины при проведении полевых работ, например одновременность посевных мероприятий и уборки урожая, так как после снятия урожая поле превращалось в общественный выгон, препятствовали самостоятельному ведению хозяйства. Тем более, что одновременность полевых работ требовала традиционное трехполье и ту же посевную культуру, что и у других общинников, мешала внедрению системы многополья и правильного севооборота. Кроме того, круговая порука при разверстке государственных податей в общине требовала от кулаков уплаты налога и за многочисленных несостоятельных односельчан. По этой причине известная часть кулачества приветствовала положения аграрной реформы 9 ноября 1906 года, которые позволяли выйти из общины с ее круговой порукой и завести самостоятельное хозяйство фермерского типа.

В Зауральской колонии России американский путь в силу исторических особенностей региона полностью был связан с крестьянскими хозяйствами средних и крупных размеров. Однако они могли функционировать как фермерские хозяйства лишь в местах, которые обеспечивали устойчивый сбыт аграрной продукции. В XIX веке это были пристани судоходных рек, а в начале XX века – еще дополнительно станции Транссибирской магистрали и местных железных дорог. Тем более, что в этих местах скапливалась масса неприписанных крестьян из метрополии, искавших заработка, а также имевших опыт найма в сельскохозяйственные рабочие у себя на родине. Стоит указать, что фермерские хозяйства сибирских крестьян, как правило, располагались на расстоянии не более 100 верст от линии железной дороги или реки, так как в противном случае их зерновое производство переставало быть рентабельным. Поэтому за пределами обусловленного расстояния крестьяне Сибири должны были или прибегать к прусскому варианту ведения аграрного производства, или вести полунатуральное хозяйство, занимаясь наряду с полеводством для личных нужд разного рода промыслами, чтобы иметь денежные средства. Сибирские областники по этой причине активно настаивали перед царским правительством на интенсивном строительстве в регионе дополнительных линий

железных дорог, чтобы капитализм американского типа проникал в сибирскую глубинку.

Аграрный кризис России начала XX века был в известной мере преодолен событиями революции 1917 года, так как советское правительство своими декретами разрешило дилемму выбора версий развития капитализма в аграрном секторе народного хозяйства страны в пользу американского пути. Так, статьи Декрета о земле упразднили помещичьи хозяйства, которые функционировали на базе прусского пути, а рентабельные превратили в госхозы (совхозы), не допуская их дробления между нуждающимися крестьянами и кулаками. Кроме того, были сняты с крестьянских хозяйств все задолженности не только перед государством, но и перед ипотечными банками, для чего был национализирован банковский сектор и создан единый государственный банк. Также был запрещен товарооборот земли, что отвечало теории эсеров о равенстве крестьянских хозяйств, запрещалась аренда земли – допускалась лишь трудовая ее форма. Тем самым была проведена генеральная чистка сельского хозяйства страны от всех отживших форм ведения аграрного производства, и созданы идеальные стартовые условия для крестьянской версии фермерского способа хозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, стоит признать, что аграрный сектор народного хозяйства России еще до реформы 1861 года и вплоть до революции 1917 года (и даже после нее, то есть до начала процесса коллективизации деревни) развивался по капиталистическому пути, имея ведущей формой в 1860–1880-е годы прусский вариант как в помещичьих, так и в крестьянских хозяйствах по объективным хозяйственным и социальным причинам внутреннего и внешнего плана. Наряду с ним активно формировалась американская версия капитализма в сельском хозяйстве страны, которая после сосуществования в пореформенный период в конце века вступила в противоречия с моделью прусского пути, выполнившим уже свою историческую миссию связи между барщинной системой аграрного производства и современной фермерской формой ведения сельского хозяйства. Ход революции 1917 года, черный передел земли как в Европейской России, так и в Сибири, а также решения Второго съезда Советов по земельному вопросу подвели черту под процессом перехода к фермерству в аграрном секторе народного хозяйства страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О претензиях Российской империи на территорию Южного Азербайджана можно судить по статье В. Вошанина «Современные задачи России на севере Персии», помещенной в офицозе правительства «Вопросы колонизации» № 17 за 1915 год.

² Данную проблему автор рассматривает в статьях «Кризис аграрных отношений в Сибири на рубеже XIX–XX вв.», опубликованной в Вестнике Брянского государственного университета (2017. № 1), и «Кризис аграрных отношений

в Сибири в начале XX века», опубликованной в Научных ведомостях Белгородского государственного университета (2018. № 4).

³ Критические статьи областных публицистов и тексты речей депутатов Сибирской парламентской группы по аграрному переустройству в Сибири регулярно публиковались в сборнике «Сибирские вопросы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Н. М. Проблемы аграрной истории России (вторая половина XIX – начало XX века). Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2003. 63 с.
2. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М.: Наука, 1969. 396 с.
3. Бородач А. Американский и прусский пути развития сельского хозяйства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/12/18/1358> (дата обращения 27.03.2018).
4. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М.: Наука, 1975. 398 с.
5. Дулов В. И., Тюкавкин В. Г. О путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 45–60.
6. Китанина Т. М. Хлебная торговля России. 1875–1911: очерки правительственной политики. Л.: Наука, 1978. 278 с.
7. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 193–413.
8. Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 57–137.
9. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. 791 с.
10. Литувев В. Н. Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. Теоретические вопросы, информационная база данных, управление земельным рынком. М.: Собрание, 1997. 236 с.
11. Маркс К. Так называемое первоначальное накопление // Капитал. Критика политической экономии: В 3 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 1. С. 725–773.
12. Нечкина М. В. К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма // Вопросы истории. 1963. № 12. С. 31–51.
13. Першин П. Н. Аграрная революция в России. М.: Наука, 1966. Кн. I. 489 с.
14. Покровский М. Н. Русская история: В 3 т. СПб.: Полигон, 2002. Т. 3. 367 с.
15. Пушкарева И. М. Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (К постановке проблемы) // Вопросы истории России. 1999. № 4. С. 14–29.
16. Тарновский К. Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (конец 1930-х – первая половина 1950-х годов) // Исторические записки. 1969. № 83. С. 196–221.
17. Савельев П. И. «Фермерский путь» в аграрном развитии России конца XIX – начала XX вв. // Материалы Научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М.: МГУ, 1997. С. 96–104.
18. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
19. Струмилин С. Г. К вопросу о генезисе капитализма в России // Вопросы истории. 1961. № 9. С. 56–69.
20. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
21. Фадеев А. В. Развитие капитализма вширь в пореформенной России // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 10. 1956. С. 3–17.
22. Чикаева К. С. Структура помещичьего хозяйства Северного Кавказа на основе анализа статистических публикаций дворянского банка // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 2. С. 105–109.
23. Энгельс Ф. К истории прусского крестьянства // Крестьянская война в Германии. М.: Госполитиздат, 1953. С. 130–141.
24. Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Избранные произведения: В 3 т. М.: Политическая литература, 1985. Т. 3. С. 506–526.
25. Энгельс Ф. Марка // Крестьянская война в Германии. М.: Госполитиздат, 1953. С. 113–129.
26. Энгельс Ф. Письмо Н. Ф. Даниельсону // Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Л.: Политиздат, 1947. С. 116–119.
27. Яцунский В. К. Основные этапы генезиса капитализма в России // История СССР. 1958. № 5. С. 59–91.

Vtorushin M. I., Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation)

THEORY OF AMERICAN AND PRUSSIAN VARIANTS OF CAPITALISM DEVELOPMENT IN RUSSIAN AGRICULTURE DURING THE XIX AND THE EARLY XX CENTURIES

This article presents the analysis of the nature of American and Prussian variants of capitalism development in the agricultural sector of the Russian economy, including the Siberian region, during the second half of the XIX and the early XX centuries. This problem is topical in relation to the discussion on the inevitability of the February Revolution of 1917. The aim of the research is to identify specificities and commonalities of American and Prussian variants of capitalism development in agriculture by giving a brief retrospective of the initiation and evolution of two ways of capitalism development in the agricultural sector of the Russian economy and their implementation forms. This matter is examined through the dialectical-materialistic learning method. After studying the issue, the historical place of the Prussian variant of capitalism development in the Russian agriculture is defined as a transitional economic form between forced and farm labour approaches of Russian agricultural production. The specificity of American and Prussian ways of capitalism development in the Siberian region's agriculture during this period is investigated. These two ways had coexisted there as well as in the European part of Russia until the Revolution of 1917 and the Civil War in the east of the country.

Key words: American and Prussian ways of capitalism development, rent, non-economic and economic coercion, labour rent, direct producer, landowner's land tenure, farm production method

REFERENCES

1. Aleksandrov N. M. Problems of agrarian history of Russia (the second half of the XIX and the beginning of the XX centuries). Yaroslavl, 2003. 63 p. (In Russ.)
2. Anfimov A. M. Large-scale landowner economy of European Russia. Moscow, 1969. 396 p. (In Russ.)
3. Borodach A. American and Prussian paths of agriculture development. Available at: <http://www.proza.ru/2012/12/18/1358> (accessed 27.03.2018). (In Russ.)
4. Dubrovskiy S. M. Agriculture and peasantry of Russia in the period of imperialism. Moscow, 1975. 398 p. (In Russ.)
5. Dulov V. I., Tyukavkin V. G. The ways of capitalism development in the agriculture of Siberia. *Questions of history*. 1964. No 4. P. 45–60. (In Russ.)
6. Kitantina T. M. The grain trade of Russia. 1875–1911: essays on government policy. Leningrad, 1978. 278 p. (In Russ.)
7. Lenin V. I. The agrarian program of social democracy in the first Russian Revolution of 1905–1907. *Complete works*. Vol. 16. P. 193–413. (In Russ.)
8. Lenin V. I. The agrarian question in Russia towards the end of the XIX century. *Complete works*. Vol. 17. P. 57–137. (In Russ.)
9. Lenin V. I. The development of capitalism in Russia. *Complete works*. Vol. 3. 791 p. (In Russ.)
10. Lituev V. N. Land ownership as the nobility's monopoly in capitalist Russia. Theoretical issues, information database, land market management. Moscow, 1997. 236 p. (In Russ.)
11. Marx K. The so-called primitive accumulation. *Capital. Critique of political economy*. Moscow, 1969. Vol. 1. P. 725–773. (In Russ.)
12. Nechkina M. V. The results of the discussion on the “rising” and “descending” stages of feudalism. *Questions of history*. 1963. No 12. P. 31–51. (In Russ.)
13. Pershin P. N. The agrarian revolution in Russia. Moscow, 1966. Vol. 1. 489 p. (In Russ.)
14. Pokrovskiy M. N. Russian history. St. Petersburg, 2002. Vol. 3. 367 p. (In Russ.)
15. Pushkareva I. M. Rural manor of a noble family in post-reform Russia (The definition of the problem). *Questions of Russian history*. 1999. No 4. P. 14–29. (In Russ.)
16. Tarnovskiy K. N. Problems of agrarian history in Russia during the period of imperialism in Soviet historiography (between the late 1930s and the first half of the 1950s). *Historical notes*. 1969. No 83. P. 196–221. (In Russ.)
17. Savel'ev P. I. “Farmer's way” in the agricultural development of Russia in the late XIX and the early XX centuries. *Proceedings of Scientific readings in memoriam of academician I. D. Kovalchenko*. Moscow, 1997. P. 96–104. (In Russ.)
18. Siberia as a part of the Russian Empire. Moscow, 2007. 368 p. (In Russ.)
19. Strumilin S. G. Concerning the genesis of capitalism in Russia. *Questions of history*. 1961. No 9. P. 56–69. (In Russ.)
20. Tyukavkin V. G. Peasantry in pre-revolutionary Russia and the Stolypin agrarian reform. Moscow, 2001. 304 p. (In Russ.)
21. Fadeev A. V. Broadwise development of capitalism in post-reform Russia. *Reports of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences*. 1956. Issue 10. P. 3–17. (In Russ.)
22. Chikayeva K. S. The structure of the landowner economy of the North Caucasus on the basis of the analysis of statistical publications of the Nobility Bank. *Humanities and socio-economic sciences*. 2006. No 2. P. 105–109. (In Russ.)
23. Engels F. On the history of the Prussian peasantry. *The peasant war in Germany*. Moscow, 1953. P. 130–141. (In Russ.)
24. Engels F. The peasant question in France and Germany. *Selected works*. Moscow, 1985. Vol. 3. P. 506–526. (In Russ.)
25. Engels F. Mark. *The peasant war in Germany*. Moscow, 1953. P. 113–129. (In Russ.)
26. Engels F. Letter to N. F. Danielson. *Correspondence of K. Marx and F. Engels with Russian politicians*. Leningrad, 1947. P. 116–119. (In Russ.)
27. Yatsunskiy V. K. The main stages of capitalism genesis in Russia. *History of the USSR*. 1958. No 5. P. 59–91. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.04.2018